

КОНФЛИКТ НА УКРАИНЕ «ГЛАЗАМИ ЕВРОПЫ»: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА В БРИТАНСКОМ ИЗДАНИИ «ГАРДИАН»

Представлены результаты анализа метафорического моделирования образа социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.), репрезентированного британским изданием «Гардиан». Выявлены типы концептуальных метафор, участвующих в формировании образа конфликта; выделены и описаны объекты метафорического моделирования; изучены смысловые, в том числе оценочные, эффекты метафорического моделирования. Материалом для исследования послужили новостные и аналитические медиатексты издания «Гардиан».

Ключевые слова: концептуальная метафора; социальный конфликт; метафорическая модель; метафорическая номинация; медиадискурс; когнитивно-дискурсивный подход; сфера-источник; сфера-мишень; языковая интерпретация.

Социальный конфликт – сложное явление, сопровождающее человека на протяжении всей его жизни, а человечество – на протяжении всей истории. В силу своей сложности явление изучается в русле самых разных наук на протяжении тысячелетий. В последние десятилетия социальный конфликт становится объектом изучения и лингвистики, которая занимается вопросами *языковой репрезентации конфликта*. Изучение конфликта в рамках лингвистики идёт в двух направлениях. С одной стороны, исследуются аспекты конфликтной коммуникации, в которой язык выступает в качестве средства реализации конфликта, с другой стороны, изучаются способы представления / отражения конфликта в различных текстах и дискурсах, анализируются языковые средства *интерпретации конфликта*. Следует отметить, что если исследованию речевого конфликта посвящено немало диссертаций и монографий (Т. ван Дейк, Р. Водак, В.С. Третьякова, Г.А. Копнина, Г.Г. Почепцов, В.И. Же-львис, Е.С. Кара-Мурза, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер и др.), то вопросы языковой интерпретации конфликта остаются малоизученными и представлены в основном отдельными публикациями по проблеме (Дж. Лакофф, О.А. Даниленко, П.Н. Хроменков, Р. Куусисто, М.В. Чернякова, Э.В. Будаев, З.И. Резанова, Т.Г. Антонова и др.).

Наиболее значимые социальные конфликты находят своё отражение в медиадискурсе, который, сочетая в себе информирующую, воздействующую и идеологическую функции, не столько отражает реальную действительность, сколько её интерпретирует, оценивает, комментирует, задавая определённый идеологический фон, регулируя общественное мнение. В медиадискурсе реальные события трансформируются в вербальные, которые представляют собой «результат интерпретации» данного события автором текста. Иными словами, фрагменты действительности заменяются образами, моделируемыми авторами текстов. В результате одному реальному событию всегда соответствует некоторое множество вербальных медиасобытий, наделённых авторской модальностью [1. С. 19]. Наше же представление о происходящих в мире событиях напрямую зависит от их проекций и способов подачи в медийном пространстве. Необходимо также отметить, что современный медиадискурс, выступая в качестве мощного средства производства и распространения слова, оказывает значительное влияние на формирование когнитивных про-

цессов человека и создание языковой картины окружающего мира [2. С. 6–23; 3. С. 124–125; 4].

Таким образом, если языковая репрезентация конфликта – это способ его лингвистического реконструирования, то медийная публикация о конфликте – это частный случай конструирования социальной реальности, одна из возможных интерпретаций, выбор которой обусловлен множеством факторов, в том числе ценностными установками автора текста и позицией издания [5. С. 51]. Таким образом, получателю медиатекста представляется некий «нарисованный» образ, чьё-либо видение конфликта, его развития, субъектов и пр., и, в зависимости от способа и формы репрезентации, у аудитории могут складываться самые разные образы одного и того же конфликта и его участников, формироваться самые разные оценки ситуации и событий.

В свете вышесказанного, исследование вопросов языковой интерпретации конфликта и способов его медийного отражения представляется актуальным. Проблема изучения того, как конфликты репрезентируются в различных СМИ и в разных культурах, приобретает особую значимость в условиях информационной войны, на развёртывание которой указывают многие исследователи медиадискурса и политической коммуникации (Л.Н. Синельникова, Ю.Р. Тагильцева, А.П. Сковородников, Г.А. Копнина, А.Д. Васильев, О.В. Красовская, Е.В. Каблуков и др.). В условиях информационной войны СМИ становятся «информационным спецназом», способным производить «альтернативную реальность» [6].

Одним из широко используемых в медиадискурсе средств представления реальности в заранее заданной модальности является метафора, которая способствует реализации основных функций медиадискурса. Метафора способна целостно, ёмко и ярко отображать действительность, что содействует эффективной передаче и лучшему запоминанию информации. Метафора, как правило, имеет эмоционально-оценочную окраску, в том числе имплицитно выраженную, она способна высвечивать одни свойства реальности и скрывать другие, заставляя нас фиксировать внимание на определенных сторонах ситуации и задавая, таким образом, способ видения ситуации. В конечном счёте метафора способствует эффективному формированию необходимого образа мира и усиливает функцию воздействия медиадискурса [2. С. 53, 120, 168; 7. С. 133; 8. С. 15–19].

Как отмечает А.А. Казаков, военный конфликт на юго-востоке Украины стал одним из наиболее значи-

мых событий последнего времени, освещение которого заняло свою нишу в международном информационном пространстве [9. С. 110]. Социальный конфликт на Украине – затяжной конфликт со сложными структурными отношениями. Начавшись в ноябре–декабре 2013 г. на фоне политического кризиса в стране, внутривластный конфликт перерос в конфликт военный, в который в роли посредников и подстрекателей оказались втянутыми многие страны. М.В. Плотникова отмечает, что основными причинами конфликта послужили социальная несправедливость, поляризация доходов и уровня жизни населения Украины, коррупция органов власти и правоохранительных органов [10. С. 200]. Интерпретация данного конфликта в СМИ связана с эмоциональными аспектами восприятия ситуации, а также с субъективным видением противоборствующих сторон, причин конфликтных действий и конфликта в целом. Неоднозначность, а зачастую и диаметрально противоположность медийной интерпретации происходящих на Украине событий подогревают исследовательский интерес к проблеме украинского конфликта.

Отражение конфликтных событий на Украине в мировых СМИ всё чаще становится объектом и лингвистических исследований. Н.Б. Руженцева [11, 12] изучила особенности украинского медиадискурса в свете происходящих на Украине событий. Медиаобраз украинского кризиса в российских, британских и немецких СМИ представил А.Б. Бушев [13. С. 270–288]; сравнительный анализ интерпретации событий на Украине в российском и американском медиадискурсах провели Б.Н. Шестов [14] и А.А. Казаков [9]; Й. Сипко [15, 16] описал оценку украинского кризиса и антироссийских санкций словацкими СМИ; А.А. Алексеева [17, 18] обратилась к изучению «крымского вопроса», проанализировав конфликтные речевые тактики пользователей социальных сетей и освещение референдума в Крыму в британских СМИ. Языковые средства отображения украинского конфликта в англоязычных СМИ заслужили внимание О.А. Кузиной [19] и Э.В. Егоровой [20].

В ключе тенденций современной лингвистики большую часть исследований украинского конфликта составляют работы, направленные на его метафорическую интерпретацию. Метафорическое моделирование украинского конфликта изучили Ю.В. Газинская [21] (на материале русскоязычных СМИ Украины), З.И. Резанова и К.С. Шиляев [22] (на материале российского медиадискурса); Э.В. Будаев [23] описал метафорический образ кризиса на Украине, представленный на русскоязычных новостных порталах; манипулятивное воздействие визуальной (невербальной) метафоры украинского конфликта в англоязычных СМИ исследовала Е.А. Румянцева [24]; образы участников конфликта, в том числе в рамках сравнительного анализа, стали объектом исследовательского интереса Р.И. Зарипова [25] и М.В. Плотниковой [10] (на материале французского медиадискурса), Т.А. Знаменской [26] (на материале англоязычных СМИ), А.О. Уржумцевой [27] (на материале испанского медиадискурса). Изучаются и более частные аспекты конфликта на Украине, например, И.А. Серёгина и

И.А. Курбанов [28] провели сопоставительный анализ российских, украинских, английских морбиальных и домашних метафор, представленных в СМИ по теме «Кризис на Украине»; И.А. Серёгина и А.П. Чудинов [29] описали метафорические модели слоганов Крымского референдума; П.В. Кропотухина и В.В. Тихонов [30] представили результаты сопоставительного исследования концептуальных метафор со сферой-мишенью «экономические санкции», используемых в британских, американских и российских СМИ; К.А. Ковалёва [31] изучила метафорическую репрезентацию конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко; Н.Г. Смирнова [32] изложила, как конфликт на Украине отражается посредством морбиальной метафоры в публикациях авторов общественно-политического интернет-ресурса «polemika.com.ua».

Проведённый нами обзор литературы по проблеме позволяет говорить о том, что, несмотря на большое количество публикаций по проблеме интерпретации, в том числе метафорической, украинского конфликта в медиадискурсе, вопрос остаётся далеко не полностью изученным. Более того, отсутствуют исследования метафорического моделирования конфликта на Украине как целостного явления на материале британского медиадискурса. В большей части работ в качестве текстового материала выступает англоязычный медиадискурс в целом, в то время как нам представляется важным анализ британского и американского дискурсов отдельно, так как только в этом случае возможно изучение дискурсивных, социокультурных аспектов реализации смыслового потенциала метафор. Отличительной чертой нашего исследования также является то, что мы выявляем и анализируем структурные компоненты конфликта как объекты метафорического моделирования. Из вышесказанного следует, что результаты нашего исследования, направленного на анализ смысловых аспектов метафорического моделирования социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.) в британском и российском медиадискурсах, внесут значимый вклад в комплексное изучение средств вербального реконструирования образа конфликта на Украине в глобальном медиадискурсе.

Предметом исследования в данной статье выступают смысловые аспекты метафорического моделирования социального конфликта на Украине (2013–2016 гг.) в британском издании «Гардиан».

Материалом для исследования послужил тематически организованный дискурс, дискурсообразующим признаком которого является единство темы: социальный конфликт на Украине (2013–2016 гг.). Источником материала для исследования послужили новостные и аналитические тексты британского издания «Гардиан».

«Гардиан» («The Guardian») – одно из самых известных и уважаемых изданий Великобритании, ежедневная общественно-политическая газета, тираж которой на январь 2016 г. составил 164 163 экземпляра. С 2004 г. читателям стала доступна полная цифровая версия газеты. По политическим взглядам «Гардиан» относят к либеральным изданиям и считают «органом среднего класса». В 2014 г. газета получила Британ-

скую премию прессы за лучшее печатное и цифровое издание года, в 2016 г. сайт газеты был признан лучшим вебсайтом года. События на Украине получили широкое освещение как в новостных, так и в аналитических материалах издания.

Из большого массива медиатекстов нами были отобраны 99 статей, информирующих о конфликте на Украине, общим объёмом 88 628 слов, в которых методом сплошной выборки были выявлены метафорические номинации, репрезентирующие украинский конфликт. Анализ отобранного языкового материала был направлен на выявление:

1) типов метафорических моделей, репрезентирующих анализируемый конфликт;

2) структурных компонентов украинского конфликта, выступающих объектами метафорического моделирования при его медийной репрезентации в «Гардиан»;

3) особенностей формирования образа конфликта на Украине в издании «Гардиан» посредством различных концептуальных сфер и их элементов.

Наше исследование находится в русле *когнитивно-дискурсивного подхода* к изучению метафоры, центральной единицей анализа при котором является концептуальная метафора как важнейшее средство структурирования действительности. Концептуальная метафора объединяет две понятийные сферы: сферу-источник и сферу-мишень. Сфера-мишень – это менее понятная концептуальная область, элементы которой структурируются путем уподобления элементам сферы-источника, хорошо знакомой человеку. В основе концептуальных метафор лежат метафорические модели, т.е. мыслительные схемы, по которым думает человек, объединяя две концептуальные сферы, и в соответствии с которыми система фреймов (слотов, концептов) понятийной области сферы-источника служит основой для моделирования объектов, процессов, признаков сферы-мишени. Таким образом, концептуальная метафора представляет собой ментальную операцию, общий механизм постижения и языкового отражения действительности. Концептуальные метафоры находят своё языковое воплощение в различных метафорических номинациях, анализ которых позволяет исследовать когнитивную модель интерпретации фрагмента действительности носителями определённого языка [33. С. 9; 34; 35. С. 55–56; 36. С. 53–59, 70].

Когнитивный подход позволяет выявить моделирующий потенциал концептуальных метафор, реализация которого определяется дискурсивными факторами, так как образные значения метафорических номинаций актуализируются под воздействием лингво-социального контекста [37. С. 192]. Метафора, актуализируя определённые когнитивные и эмотивные смыслы, моделирует в медиадискурсе представляемую СМИ тему [21. С. 86]. Таким образом, рассматривая метафору как когнитивный механизм и орудие дискурса, мы получаем представление о том, как действительность, в нашем случае социальный конфликт на Украине, конструируется средствами метафоры в медиадискурсе. Единство когнитивных процессов (моделей метафорического уподобления), лежащих в

основе концептуальных метафор, обуславливает привлечение в качестве единиц анализа метафорических номинаций разного рода: живых образных узуальных метафор, окказиональных / авторских метафор, генетических / стёртых метафор, фразеологических метафор (см. обоснование такого подхода в когнитивной лингвистике) [34, 38]. Границы нашего исследования определены рамками конкретного конфликта и ограниченностью текстового материала.

Как показал проведённый анализ, объектами метафорического моделирования при медийной репрезентации конфликта на Украине в издании «Гардиан» становятся *политические деятели*, вовлечённые в конфликт, *посредники* и их *действия, направленные на урегулирование военного конфликта, конфликтные действия противоборствующих сторон, этапы конфликта, политический кризис* в стране как причина военного конфликта. *Военные действия* выступают в качестве сферы-мишени крайне редко.

При моделировании вышеуказанных структурных компонентов украинского конфликта в анализируемых медиатекстах чаще других оказываются задействованными **годовая** (166 номинаций), **природная** (110 номинаций), **театральная** (83 номинации), **коммерческая** (43 номинации), **спортивно-игровая** (43 номинации), **физиологическая** (37 номинаций) и **милитарная** (32 номинации) концептуальные метафоры.

Рассмотрим подробнее смысловые эффекты использования вышеперечисленных концептуальных метафор в репрезентации социального конфликта на Украине и его элементов.

Доминирующее место среди выявленных нами концептуальных метафор занимает **годовая метафора (метафора пути)**. Развитие конфликта в данном случае моделируется как путь, некое движение. Объектом метафорического моделирования в рамках данной модели выступают *действия, направленные на урегулирование военного конфликта*, которые репрезентируются как «шаги», «движения»: *Donetsk deputy military head Eduard Basurin said his forces were pulling back five self-propelled guns from Olenivka, south of Donetsk, as a «first step»*.

Оценка предпринимаемых мер по урегулированию конфликта задается «Гардиан» посредством указания направления выбранного движения («в правильную или неверную сторону»): *The immediate trigger was a deal between government and the opposition in the streets that went wrong*. Выбор неправильного направления движения приводит «путников» в «тупик», они «сбиваются с пути», что заставляет их искать «новые маршруты», «объездные пути»: *The German foreign minister Frank-Walter Steinmeier said the course taken by Yanukovich was «a dead end»; Berlin said it was not too late to turn back from the abyss, without proposing any decisions or action. «A turnaround is still possible»*. Успешные же меры представлены как «мостящие дорогу», движение по которой будет проходить быстрее: *The ceasefire is intended to pave the way for a comprehensive political settlement of the country's crisis*.

Трудность процесса урегулирования конфликта передаётся посредством семантики используемых глаголов движения («тормозить»; «делать шаги»; «ид-

ти, хромая»), наличия «преград» и «препятствий» на пути, характера пути («передвигаться по тропам»): *The continued fighting has stalled further implementation of the peace plan on both sides; But the path to any lasting peace starts with those 14 words; The agreement represents a potentially significant step toward a peaceful resolution of the conflict; Russia has stepped into the breach... law limps to the ditch like a wounded refugee.* Реализации значений слота «катастрофа на воде» высвечивают неэффективность и даже опасность принимаемых мер, а также сложность конфликтной ситуации: *...economic boat has started to sink; the UN Security Council is expected to meet on Sunday for an emergency session to shore up the ceasefire deal.* Если меры по урегулированию конфликта репрезентируются как сложный и медленный путь, то распространение войны, напротив, интерпретируется как скоростное движения («ехать по скоростной магистрали», «прибавлять скорость»): *War is back on the high road; Even as the US and UK appear to be gearing up for a bigger confrontation.*

Значимое место при моделировании конфликта на Украине в «Гардиан» занимает **природная метафора**, в метафорическое поле которой включены разнообразные фреймы и слоты (*состав царства животных; образ жизни животных; обращение человека с животными; мир неживой природы; природные явления; жизненный цикл растений; погода* и пр.), позволяющие высвечивать самые разные аспекты конфликта. Так, участники протестов делятся на «ястребов» и «голубей», сложная ситуация на Украине уподобляется *болоту*, падающие снаряды ассоциируются с *дождём*, бездействие украинской армии интерпретируется как *нахождение в зимней спячке* и т.д.: *There are therefore still some doves inside or close to the regime. But the hawks know they will probably fall if they fail; The separatists had been shelling government troops holed up in Debaltseve for days, but on Tuesday launched a more intense battle to enter the town; Grad rockets rained down on residential areas of the Ukrainian city of Mariupol on Saturday.*

Основным объектом метафорического моделирования в рамках природной метафоры становятся *участники конфликта и их действия*, интерпретация которых наиболее активно идёт через слоты «стихия воды», «стихия ветра» и «стихия огня». Действия протестующих сравниваются с *потоками воды* и *порывами сильного ветра*. Актуализация таких характеристик этих стихий, как «интенсивность», «внезапность», «разрушительная сила», репрезентируют конфликт как крайне опасное явление с непредсказуемыми и разрушительными последствиями, которое практически невозможно контролировать и сдерживать: *...anti-government protesters stormed buildings; ...hundreds of thousands of people flooded central Kiev.* Ещё одна опасная стихия, стихия огня, активно используется при репрезентации действий, провоцирующих / порождающих конфликт, они уподобляются искрам, которые «разжигают пламя» конфликта: *The deaths of two young Russian-speakers, at the hands of Ukrainian fascists, formed a powerful tableau. It may yet spark a war; ...the deaths seemed likely to further in-*

flame the tense situation in the country. Действия, приводящие к эскалации конфликта выполняют функцию *топлива*, они не дают конфликту «погаснуть»: *Russian minister accuses European politicians of stoking Ukraine crisis.* Все метафорические номинации этой группы несут резко негативную оценку. Близкие смысловые эффекты имеет интерпретация начала конфликта как «извержение вулкана», которое начинается внезапно, сметаёт всё на своём пути, его невозможно предугадать, предупредить и остановить: *...pro-Russian protests erupted in 11 Ukrainian cities.* Если конфликтные действия ассоциируются с огнём и высокими температурами, то их временное прекращение интерпретируется как «понижение градуса», конфликт представляется «замороженным»: *The most one can hope for is that the conflict is frozen.*

Интересным представляется интерпретация конфликта на Украине в рамках слота «обращение человека с животными», который также направлен на метафорическое моделирование действий участников конфликта, в том числе посредников. Военные действия репрезентируются как *охота на противника*: нападающие «накидывают аркан», а терпящие поражение в него попадают: *Rebels have been redoubling their weeks-long effort to tighten the noose around the town and its key railway junction; ...and Kiev's troops are trapped there with dwindling ammunition and supplies.* Конфликтные действия выступают в образе животных, на поведение которых можно влиять: их сдерживание ассоциируется с процессом укрощения, а их провокация – с побуждением к быстрому движению («пришпорить»): *Yanukovich signed an array of laws last week that severely curtail media rights and regulations on public gatherings, in an attempt to curb the protests; ...news that would likely spur on the protesters.* По словам «Гардиан», Россия видит в странах Запада «укротителей», которые способны сдерживать действия украинской оппозиции, «натянув поводья»: *Lavrov called his counterparts in Berlin, Warsaw and Paris to ask them to rein in the opposition.*

Таким образом, природная метафора задаёт самые разные интерпретации и оценки репрезентируемого конфликта: мир неживой природы, как основание метафорического ассоциирования, высвечивает опасность, непредсказуемость, стихийность, неконтролируемость процессов; мир животных – возможность управлять этими процессами.

Третье место по количеству метафорических номинаций, задействованных «Гардиан» для моделирования конфликта на Украине, занимает **театральная метафора**, направленная в большинстве контекстов на репрезентацию *участников конфликта*. Все участники конфликта (политические силы Украины, России, стран Запада) представлены в качестве актёров (украинских и внешних), степень же их значимости оценивается характером роли (главная – второстепенная): *The Ukrainian actors distrust each other, and so do the outside actors; But the western powers have also played a central role in creating the Ukraine crisis in the first place.* Россия и страны Запада также репрезентируются в образах *постановщиков, сценаристов, дирижеров, кукловодов*, что задаёт их действиям совер-

шенно иную оценку, они интерпретируются в качестве сил, предопределяющих ход развития украинского конфликта: *It is, they say, a made-up scenario scripted in Moscow... and now played out on the ground by pro-Russian activists and bussed-in professionals; ...the Kremlin's choreography has been impressive; He may have been corrupt, grotesque and murderous, a puppet in the hands of Russia.* Европа оказывается представленной ещё в одном образе, образе главного зрителя, на которого направлена игра «актёров» украинской политической элиты: *Power may well have been playing to some very particular galleries.* «Зрительская» оценка действий украинских властей по урегулированию конфликта выражается характером аплодисментов: *Yet even if you take a more alarmist view, to suggest that Europe should just sit on its hands because fascists and antisemitic Cossacks (recognise a stereotype anyone?) are taking over the show.*

Привлечение видов постановок в качестве средства интерпретации направлено на актуализацию различных свойств конфликта: «мыльная опера» указывает на тривиальность и затяжной характер конфликта, «драма» и трагедия» высвечивают в сфере-мишени такие элементы когнитивной структуры сферы-источника, как «тяжелое событие», «напряжённая борьба», «гибельный исход»: *...return one of the key figures in Ukraine's political soap opera to centre stage; It only remains to be seen what role Yanukovich will play in this fast-moving drama; He had been in Kiev to mark the 20th anniversary of that 1994 memorandum, and his take on this tragedy is bold and original.*

Таким образом, в рамках театральной метафоры конфликт на Украине репрезентируется как смоделированное событие, развивающееся по сценарию, написанному внешними силами (Москвой или Западом), что подчёркивает несамостоятельность действий политических сил Украины, их неспособность повлиять на ход событий.

Примерно в равном количестве для моделирования образа конфликта на Украине «Гардиан» задействует ресурсы **коммерческой, спортивно-игровой, физиологической и военной** концептуальных метафор.

В концептуальном поле **коммерческой метафоры** конфликт на Украине представлен как финансовая сделка, главным образом между Западом и Россией, где всё «подсчитывается», где стороны, стремясь получить максимальную выгоду, «торгуются» друг с другом, где действия политических сил имеют «финансовые издержки»: *Look what the Russians are now bargaining for; ...Putin may calculate that he can keep on going until he chooses to stop; The west can also up the ante; Crimean coup is payback by Putin for Ukraine's revolution.*

Объектом метафорического моделирования в рамках данной модели также выступают *участники конфликта и их действия*. Ведущие лица, задействованные в военном конфликте, репрезентируются как *стартап-менеджеры*, что представляет войну на Украине как своеобразный бизнес-проект: *Borodai announced his resignation, claiming he had really only come in as a "startup manager" and that the role of*

prime minister should belong to a local. Народ же Украины представлен в образе «финансовых средств» или основного плательщика: *A few years later, the nation wakes up and starts paying the price; However, more clashes followed costing the lives of at least 1,500 people.* Жизни людей «покрывают финансовые издержки» и трактуются как «денежный сбор»: *The separatists said the total death toll in those two strikes was seven.* Причём цена, которую приходится платить, постоянно растёт. Интерпретация военного конфликта как некой финансовой сделки актуализирует циничность лиц, якобы участвующих в процессе его урегулирования.

Посредством **спортивно-игровой метафоры** конфликт на Украине репрезентируется как некое состязание, чаще спортивное. Данная модель направлена на моделирование *участников конфликта и их действий*, а также *этапов конфликта*. Необходимо отметить многообразие представляемых спортивных «дуэлей», где в качестве участников соревнований выступают: Россия и Европа; Россия и США; политические силы Украины; Россия и Украина. Самым активным участником «конфликта-состязания» представлена Россия, в большинстве контекстов в лице её президента. Значимым представляется то, что Россия репрезентируется только как чемпион, даже в тех «состязаниях», где она не является участником: *Who's winning? «Russia is winning» answers the well-known American «realist», John Mearsheimer; Putin, whether as war leader or a peacemaker, is their champion.* Успехи сторон трактуются как спортивные победы, выигранные призы, оттеснение противника к боковой линии; ход развития конфликта представлен как схватки, шахматные шаги, этапы игры; неправильное поведение в конфликте ассоциируется с нарушением правил («заступить за черту»): *Ukraine claims conflict with pro-Russia rebels entering endgame; As John Kerry, the US secretary of state, described Russia's gambit as «an incredible act of aggression»; If separatist claims, reported by the Associated Press, are true and the rebels have captured Debaltsevo, it would be a critical prize for the pro-Russia forces; The conflict in Ukraine sees less shelling each week, while hawks and rebel leaders are being told by Moscow to pipe down and toe the line; Meanwhile, those who disagree with the uneasy peace on all sides are being sidelined.* Качественно-оценочные характеристики оказываются заложенными в концептуальное поле спортивной метафоры и обуславливаются нашими представлениями о спорте, правилах ведения спортсменами честной или нечестной игры и прочими фоновыми знаниями. Оценка роли участников в конфликте передаётся также посредством актуализации значений слота «вид спорта» (ср. вид спорта у России – *борьба*, а у Европы – *бадминтон*: *If Putin's Olympic sport is hardcore wrestling, we cannot confine ourselves to badminton*).

При моделировании образа украинского конфликта посредством **игровой метафоры** задействуется слот «азартная / карточная игра», в рамках которого действия участников конфликта репрезентируются как карточные ходы, а сами участники – как азартные игроки: *If Russia and the rebels continue to breach the ceasefire or otherwise overplay their hand.* В 2/3 случа-

ев основанием метафорического отождествления того, чем готовы пожертвовать участники конфликта выступает понятие «ставка», которая либо уже высока, либо повышается: *But this only raises the stakes – if the protesters can hang on, their numbers will swell again one way or another*. Вовлеченность в концептуальное поле игровой метафоры финансовой составляющей роднит ее по смысловым векторам с коммерческой метафорой, однако здесь высвечивается смысловой компонент риска, представляющий крайне значимым. В целом интерпретация конфликта в рамках игровой метафоры несёт негативную коннотацию.

Физиологическая метафора в анализируемых медиатекстах реализуется в основном посредством репрезентации болезненных состояний организма, т.е. через **морбиальную** метафору. Объектом метафорического моделирования выступают действия, направленные на урегулирование военного конфликта. Прекращение активности ассоциируется со смертью или параличом. Чаше других через состояния близкие к смерти интерпретируются попытки прекращения военных действий в стране («поддерживать жизнь», «вернуть к жизни мертворождённого», «иметь выкидыш»), эффективность которых оценивается «Гардиан» как близкая к нулю: *But the end of weeks of fighting for Debaltseve could breathe new life into the stillborn ceasefire, which was broken by shelling in the area almost as soon as it began on Sunday; ...while an attempt to reopen peace talks in neighbouring Belarus was aborted before it began*. Мирные переговоры репрезентируются как процесс выкручивания рук его участникам, что указывает на болезненность нахождения компромисса для всех сторон: *...the fact that the negotiations went on through the night suggests they both had to be arm-twisted into making concessions they didn't like*.

Ещё одним объектом метафорического моделирования в рамках данной модели выступает конфликтная ситуация, т.е. те социальные условия, в которых назревает и развивается конфликт. Политический кризис в стране, возглавляемой В.Ф. Януковичем, репрезентируется как *раковая болезнь*, от которой наконец-то избавились: *This is your victory because no politician, no diplomat could do what you have done, you have removed this cancer from this country*. Но избавление страны от этого недуга не приносит выздоровления. Основанием для метафорического отождествления политической ситуации на Украине в условиях развивающегося военного конфликта становится слот «физические и психические болезни»: Украина «истекает кровью», она «покрыта шрамами», но ещё «жива»; закон ассоциируется с хромающим, раненым беженцем: *Ukraine has not yet died – as the country's anthem observes. But the face of Ukraine today is that of the bloodied, scarred opposition activist Dmytro Bulatov; ...law limps to the ditch like a wounded refugee*. Разворачивающиеся в стране военные события в целом сравниваются с сумасшедшим домом: *It was a mad-house*.

Яркую эмоциональную окраску в рамках морбиальной метафоры несёт интерпретация участников конфликта: националистическое объединение «Правый сектор» репрезентируется как «нарастающая го-

ловная боль»; пророссийские силы – как «впавшие в состояние неконтролируемой ярости»: *Praviy Sektor could become a growing headache for the authorities; Putin's proxies running amok*. Новый президент Украины П.А. Порошенко представлен «политически израненным», «физически ослабленным организмом», вынужденным «принимать горькие лекарства»: *With Ukraine's army on the run, with President Petro Poroshenko politically wounded; This earnest nature of western support crudely sweetens the bitter pills Poroshenko has been obliged to swallow*. Через слот «психические заболевания» репрезентируется и фигура российского президента, который «сошел с ума»: *...one commentator suggesting Putin had lost his mind*. Все субъекты конфликта представлены находящимися в состоянии физической и душевной усталости крайней степени: *With the rebels, Kiev and Moscow all fatigued by military action*.

В целом морбиальная метафора несёт резко негативную оценку происходящих на Украине событий и представляет ситуацию как деструктивную, крайне болезненную для самих участников процессов. Негативная оценка выражается также к позиции Запада в целом и Британии в частности по отношению к событиям на Украине, «Гардиан» считает её крайне пассивной: Запад «смотрит» на действия украинских националистов «слепым глазом», Соединённое Королевство «входит» в украинский конфликт в «состоянии лунатика»: *He accused the west of turning a blind eye to extreme nationalists on the Ukraine side who he claimed were bent on ethnic cleansing; The UK is guilty of sleepwalking into the crisis in Ukraine and has not been as active or visible as it should be*.

Концептуальное поле «война» выступает не только как сфера-мишень при репрезентации боевых действий на Украине, но и как сфера-источник при моделировании политического противостояния сторон. **Милитарная метафора** представляет конфликт через призму фрейма «военные действия и вооружение»: политические споры репрезентируются как *сражения*, где оружием выступает слово; «сражения» происходят также в головах и сердцах людей, изнурённых политическим кризисом в стране, который представляется в свою очередь «неразорвавшейся бомбой», с которой необходимо «снять взрыватель», на что и направлены действия по урегулированию конфликта; однако многие действия Москвы репрезентируются как направленные на «подрыв взрывчатых веществ»; В.В. Путин представляется в образе воина, «обнажившего меч» и готового к бою; Кремль «укрепляет траншеями» свои позиции на Украине; П.А. Порошенко предстаёт попавшим в политическую «осаду», что указывает на его слабость и неспособность действовать; конфликтотенные же действия репрезентируются «Гардиан» в образе спускового крючка: *Take the question of antisemitism, which has become a battleground in the war of words over Ukraine; The immediate trigger was a deal between government and the opposition in the streets that went wrong; Defused is the right word, for Ukraine today is like an unexploded bomb. Its priming mechanism must be skilfully disengaged, stage by stage, if an explosion is to be avoided; Poroshenko*

appears increasingly weakened and politically beleaguered; ...the Kremlin which is seeking to entrench Russian influence over the breakaway region and to freeze a larger tract of territory under the separatists' control; So for eastern Ukraine, Putin's sword was left unsheathed and ready. Таким образом, политический кризис в стране, равно как и неудачные действия политических сил, репрезентируются как опасные явления, способные повлечь за собой человеческие жизни.

Проведённый анализ позволяет делать выводы о смысловых, в том числе аксиологических, эффектах метафорического моделирования украинского конфликта в издании «Гардиан». Метафора пути высвечивает такие стороны конфликта, как *затяжной характер и сложность процесса его урегулирования* в силу неэффективности предпринимаемых мер. *Опасность конфликта* на Украине актуализируется в рамках концептуальных сфер природной, морбиальной, военной метафор и в единичных случаях – в рамках метафоры пути. Концептуальная сфера «природная стихия» представляет конфликт как *неконтролируемое и быстроразвивающееся явление*. Элементы концептуальных сфер игровой, спортивной, коммерческой, театральной метафор и в отдельных случаях природной метафоры репрезентируют конфликт на Украине как *смоделированное и контролируемое некими (зачастую внешними) силами действие*, как *соперничество* между политическими лицами, стремление получить выгоду, как *игру*, в которой украинский народ становится просто «разменной монетой».

Особого внимания заслуживает репрезентация в медиатекстах образов политических лиц, вовлечённых в конфликт. Самым популярным из них объектом метафорического моделирования становится российский президент. В.В. Путин и его действия интерпретируются посредством самых разных образов («хулиган», «преступник», «гроссмейстер», «сумасшедший», «кукловод», «дирижер», «сценарист» и др.), несущих негативную оценку, однако универсальным является репрезентация его позиции в конфликте как сильной, он представлен как влиятельное лицо, с которым приходится считаться. В то же время украинские политические лидеры представлены очень слабыми фигурами, нуждающимися в поддержке, неспособными на принятия самостоятельных решений. В целом можно утверждать, что метафорические модели, задействованные в медийной репрезентации конфликта на Украине в издании «Гардиан», направлены на создание насыщенного отрицательно-оценочного фона. В подавляющем большинстве контекстов украинский конфликт репрезентируется как *деструктивное, неприятное, тяжело переживаемое социальное явление*. Реже других реализация аксиологической составляющей метафорических значений имеет место в рамках концептуальных моделей метафоры пути.

Что касается структурных компонентов украинского конфликта, выступающих объектами метафорического моделирования при его медийной репрезентации в «Гардиан», то чаще всего выявленные нами концептуальные метафоры оказываются направленными на интерпретацию *участников конфликта и их действий*. Однако военные действия практически не

становятся объектами метафорического моделирования, а действия, направленные на урегулирование конфликта, репрезентируются как крайне сложные и малоэффективные.

Подводя итог, отметим, что все выявленные нами продуктивные метафоры, репрезентирующие конфликт на Украине, отмечаются и в работах других исследователей, выполненных на ином текстовом материале. Проведённый анализ позволяет нам сделать предварительные выводы о том, что **театральная, спортивная, игровая и военная** метафоры относятся к универсальным средствам вербального реконструирования конфликта на Украине [10, 21–27, 30, 31]. Совпадение идёт как на уровне продуктивности указанных метафор в медиадискурсах разных стран, так и на уровне реализуемых ими смысловых эффектов. Некоторые культурно-специфические особенности дискурсивной реализации наблюдаются в поле спортивной метафоры. Так, если в англоязычном дискурсе конфликт и его аспекты моделируются через их представление в рамках различных видов спорта, то для русского и в особенности французского медиадискурсов оказывается востребованным фрейм сферы-источника «шахматная игра», актуализирующий в большей мере интеллектуальную, а не физическую силу.

Годическая и морбиальная метафоры оказываются задействованными при репрезентации конфликта в англоязычном и в русскоязычном медиадискурсах при совпадении сфер-источников и сфер-мишеней, а также реализуемых эмотивных значений [22–26, 29, 30, 32]. На высокую продуктивность морбиальной метафоры в русскоязычном дискурсе указывают отдельные исследования [28, 32].

Коммерческая метафора, выявленная нами как продуктивная, отмечается только в одном из изученных нами исследований [22], тем не менее, можно констатировать её использование и в российском медиадискурсе при совпадении вектора смыслового развития.

Природная метафора, являющаяся одной из самых продуктивных в нашем исследовании, также оказывается востребованной в медиадискурсах разных стран при некоторых различиях в векторе её дискурсивно-смыслового развития [23–25, 30]. Культурно-специфической для английского языка группой природных метафор являются *климатические* метафоры, смысловой потенциал которых реализуется при моделировании разных сфер-мишеней: в нашем анализе – это *конфликтные действия и конфликтогены*, в анализе П.В. Кропотухиной и В.В. Тихонова [30] – это *экономическая политика*. *Зооморфные* метафоры оказываются более востребованными, чем *фитоморфные* при репрезентации украинского конфликта в русском, английском и французском медиадискурсах, но и в этом случае мы отмечаем некоторые отличия результатов нашего исследования: если другие авторы указывают на реализацию присущих зооморфным метафорам пейоративных оценочных смыслов, их направленность на дискредитацию интерпретируемого субъекта [34], то в анализируемых нами медиатекстах они не имеют такой коннотации. Возможно, это объясняется задействованным слогом «*приручение живот-*

ных», в рамках которого реализация эмотивных значений метафор обуславливается языковым и социальным контекстом.

В работах других исследователей, изученных нами, было отмечено использование метафор, которые в анализируемом нами текстовом материале оказались крайне редкими. Так, большинство исследователей указывают на продуктивность *криминальной* метафоры [21, 22, 24, 27, 30], однако мы выявили только 8 метафорических номинаций в рамках этой сферы-источника, что можно объяснить либо ограниченностью текстового материала, либо культурной спецификой именно британского (не англоязычного в целом) медиадискурса. Отмечается универсальный аспект смысловой реализации *криминальной* метафоры: во всех случаях она репрезентирует либо противоборствующую сторону, либо зачинщика конфликта. Только для русского, испанского и французского медиадискурсов оказывается актуальной метафора *родственных / близких отношений*, которая направлена на репрезентацию взаимоотношений между странами, вовлечёнными в конфликт: отношения между Россией и Украиной представляются как *семейные*, для Европы Украина – *завидная невеста*, а ЕС и США – это *«закадычные друзья»*, которых Россия пытается посорить [23, 25, 27].

Наконец, в исследованиях метафорической репрезентации конфликта на Украине нами были отмечены случаи анализа авторами политических карикатур как невербальных (визуальных) метафор [10, 24], сферы-источники и образы которых оказываются аналогичными сферам-источникам и образам, репрезентированным вербальными метафорами. Так, наиболее продуктивными визуальными метафорами являются *зооморфная, спортивная, морбиальная и криминальная*, а самым частым объектом метафорического моделирования посредством визуальной метафоры становится президент РФ. Таким образом, исследованный нами языковой материал подтверждает положение, высказанное Е.А. Румянцевой о том, что большая часть невербальных политических метафор имеет аналоги в метафорических выражениях. Это объясняется тем, что и вербальные, и невербальные метафоры несут на себе «отпечаток национального коллективного сознания» [24. С. 25].

Заданная в «Гардиан» метафорическая репрезентация конфликта на Украине значительным образом влияет на формирование у читателя определённой картины происходящего, и ключевую роль в этих процессах играют используемые метафоры, которые, как показало исследование, в большей степени относятся к универсальным средствам метафорического моделирования украинского конфликта в мировых медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мохирева С.В. Вариативность репрезентаций вербального события в СМИ // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 19–22.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Флинта; Наука, 2008. 264 с.
3. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 124–125.
4. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm> (дата обращения: 6.09.2016).
5. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 47–71.
6. Илларионов А.Н. Вызовы информационной войны для свободного общества и возможная контрстратегия. Выступление на XIX Форуме Открытого общества Эстонии (Таллин, 18 сентября 2014 г.) // LiveJournal. URL: <http://aillarionov.livejournal.com/735489.html> (дата обращения: 23.01.2017).
7. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
8. Харченко В.К. Функции метафоры: учеб. пособие. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 96 с.
9. Казаков А.А. Сравнение фреймов и повесток дня второго уровня «Российской газеты», «Новой газеты» и «Нью-Йорк таймс» (на примере освещения событий на юго-востоке Украины) // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 110–114.
10. Плотникова М.В., Кипина М.А. Советский Джеймс Бонд: политический портрет В.В. Путина во французских медиатекстах в свете украинского кризиса // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 200–205.
11. Руженцева Н.Б. Когнитивные модели как средство достижения иронического эхо-эффекта в разных форматах дискурса (освещение украинских политических событий) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 82–89.
12. Руженцева Н.Б. Массмедийный политический дискурс: давление контекста и давление контента в свете украинских событий // ИмPLICITные и EXPLICITные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции Междунар. конф. «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А.П. Чудинова, Э.В. Будаева. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; Цюрихский университет, 2014. С. 119–132.
13. Бушев А.Б. Украинский кризис в освещении мировых медиа // Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. Palmarium Academic Publishing, 2016. С. 270–288.
14. Шестов Б.Н. Информационная повестка дня в освещении событий на юго-востоке Украины (по материалам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» за ноябрь 2014 г.) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 111–119.
15. Сипко Й. Лингвокультурология антироссийских санкций в словацких СМИ, или Украинский кризис продолжается // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 93–98.
16. Сипко Й. Интерпретация роли США и Запада в украинском кризисе в словацких СМИ // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 59–65.
17. Алексеева А.А. «Крым наш»: конфликтные речевые тактики в социальной сети «ВКонтакте» // «Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления»: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 6–9.
18. Алексеева А.А. Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6: Журналистика. С. 163–170.

19. Кузина О.А. Фразеологические единицы как средство отражения событий политической жизни на Украине (на материале англоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 104–110.
20. Егорова Э.В. Украинский кризис: образ России в англоязычных электронных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (41) : в 2 ч. Ч. I. С. 60–65.
21. Газинская Ю.В. Метафора как когнитивный механизм моделирования политической реальности в русскоязычном пространстве медиа-дискурса Украины // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (79). С. 86–89.
22. Резанова З.И., Шилиев К.С. Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе // Русин. 2015. № 4 (42). С. 217–234.
23. Будаев Э.В., Курейко В.В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 93–97.
24. Румянцева Е.А. Политическая метафора в Украине (на материале англоязычных СМИ) // Мова і культура. 2014. № 17, т. 3. С. 18–28.
25. Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 172–180.
26. Знаменская Т.А. Использование метафоры как средства манипуляции общественным мнением в англоязычных публикациях об Украине // Научное периодическое издание «CETERIS PARIBUS». 2015. № 1. С. 67–68.
27. Уржумцева А.О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль Паис» // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 195–200.
28. Серёгина И.А., Курбанов И.А. Морбиальная метафора периода украинского кризиса // Убеждение и доказательство в современном политическом дискурсе : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. И.В. Култышева. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т ; Нижнетагил. гос. соц. пед. акад., 2014. С. 111–120.
29. Серёгина И.А., Чудинов А.П. Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 89–94.
30. Кропотухина П.В., Тихонов В.В. Метафоры и «контрметафоры» санкционного дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 97–99.
31. Ковалёва К.А. Метафорическая репрезентация политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. С. 129–134.
32. Смирнова Н.Г. Языковая картина событий на Украине и их отражение в медийном дискурсе: морбиальная метафора // Политическая лингвистика: перспективы развития научного направления : материалы междунар. науч. конф. / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014. С. 239–241.
33. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 256 с.
34. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (дата обращения: 06.09.2016).
35. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
36. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
37. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 184–194.
38. Резанова З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. I. С. 13–75.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 мая 2017 г.

CONFLICT IN UKRAINE SEEN BY EUROPE: METAPHORICAL MODELLING OF THE IMAGE IN THE BRITISH MASS MEDIUM *THE GUARDIAN*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 12–22.

DOI: 10.17223/15617793/419/2

Tatiana G. Antonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatgran@sibmail.com

Keywords: conceptual (cognitive) metaphor; social conflict; metaphorical model; metaphorical expression; media discourse; cognitive-discursive approach; source domain; target domain; verbal interpretation.

The article deals with the metaphorical representation of a social conflict in British media discourse. It aims to analyse the interpretative aspects of the metaphorical modelling of the Ukraine social conflict (2013–2016) in *The Guardian*. Different kinds of articles – news articles, feature articles, editorials, columns and opinion pieces – have served as the source of the text material analysed. The research is based on the cognitive-discursive approach to studying metaphor. Cognitive metaphors link two conceptual domains: the “source” domain and the “target” domain. The knowledge about the source conceptual domain is used to reason about the target one. In this way, the author regards conceptual metaphor as a cognitive process of conceptualisation and verbal interpretation of reality. Conceptual metaphors are verbally realised by various metaphorical expressions, whose analysis can explore the cognitive model of interpretation of reality by language speakers. The potential of conceptual metaphors to model the world is realised in and by discourse. Thus, researching metaphors as a cognitive and discursive means, the author learns how social conflict is metaphorically reconstructed in media discourse. 99 articles about the conflict in Ukraine published by *The Guardian* were selected. Analysing the text material the author identified the conceptual metaphors used to represent the conflict, detected the conflict components modelled by the metaphors and described the images shaped. The author has determined that the major objects of metaphorical modelling are the conflict participants and their actions. The most common conceptual metaphors used to represent the conflict components are the metaphors of journey (166 expressions), nature (110), theatre (83), commerce (43), game (43), as well as physiological (37) and military (32) conceptual metaphors. As a result of the analysis carried out, the author has concluded that the metaphors used by *The Guardian* specify the semantic, axiological included, direction of the Ukraine conflict modelling. Journey metaphors highlight that the conflict has a protracted character and is difficult to solve. The hazards of the conflict are depicted by nature, morbid and military metaphors, and in rare cases by journey metaphors. The conceptual domain “nature” represents the conflict as an uncontrollable and fast-running phenomenon. Those of game, theatre, commerce and occasionally nature metaphors embody it as a designed and supervised (often from outside) thing. The Russian president is the major object of the metaphorical modelling among politicians. His image is mostly derogatory, though, it depicts his strong position in the conflict. Axiological aspect is the least realized in the journey metaphor conceptual domain. To sum up, all the conceptual metaphors identified in the study are recorded by other researchers. Thus, theatre, game and military metaphors are universal means of the Ukraini-

an conflict verbal interpretation. Morbid and journey metaphors are used in Russian and English media discourse. Nature metaphors are used in different languages, though they have discourse-semantic variations.

REFERENCES

1. Mokhireva, S.V. (2013) Verbal event variability media representation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 19–22. (In Russian).
2. Dobrosklonskaya, T.G. (2008) *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media (modern English media speech)]. Moscow: Flinta: Nauka.
3. Abramov, V.P. (2001) [Theory of the associative field]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian language: historical destinies and the present]. International congress of researchers of the Russian language: works and materials. Moscow: Moscow State University. pp. 124–125. (In Russian).
4. Volodina, M.N. (2003) Yazyk SMI – osnovnoe sredstvo vozdeystviya na massovoe soznanie [The language of the media is the main means of influencing mass consciousness]. In: Volodina, M.N. (ed.) *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Media language as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Moscow State University. [Online] Available from: <http://evartist.narod.ru/text12/03.htm>. (Accessed: 06.09.2016).
5. Kara-Murza, E.S. (2009) Lingvisticheskaya ekspertiza kak protsedura politicheskoy lingvistiki [Linguistic expert examination as a procedure of political linguistics]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (27). pp. 47–71.
6. Illarionov, A.N. (2014) [Challenges of information warfare for a free society and a possible counterstrategy]. *19th Open Society Forum of Estonia*. Tallinn. September 18, 2014. [Online] Available from: <http://aillarionov.livejournal.com/735489.html>. (Accessed: 23.01.2017).
7. Van Dijk, T.A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Translated from English. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
8. Kharchenko, V.K. (2007) *Funktsii metafory* [Functions of metaphor]. Moscow: Izd-vo LKI.
9. Kazakov, A.A. (2015) Svrnvenie freymov i povestok dnya vtorigo urovnya "Rossiyskoy gazety", "Novoy gazety" i "N'yu-York tayms" (na pri mere osvshcheniya sobytiy na yugo-vostoke Ukrainy) [Comparison of frames and second-level agendas of Rossiyskaya Gazeta, Novaya Gazeta and New York Times (in the coverage of events in the southeast of Ukraine)]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Linguistics: Problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 110–114. (In Russian).
10. Plotnikova, M.V. & Kipina, M.A. (2016) Soviet James Bond: political portrait of V. Putin in French media texts with reference to Ukrainian crisis. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 200–205. (In Russian).
11. Ruzhentseva, N.B. (2014) Cognitive models as a means of achieving the ironic echo-effect in various formats of discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 82–89.
12. Ruzhentseva, N.B. (2014) [Mass-media political discourse: context pressures and content pressures in the light of Ukrainian events]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeyskom politicheskom diskurse* [Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse]. Proceedings of the Russian Section of the international conference "Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse". Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Zurich University. pp. 119–132. (In Russian).
13. Bushev, A.B. (2016) *Global'nyy mediadiskurs i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Global media discourse and intercultural communication]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing. pp. 270–288.
14. Shestov, B.N. (2015) Media agenda in coverage of the events in the southeast of Ukraine (as exemplified by Rossiiskaya Gazeta and The Washington Post, November 2014). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya – Izvetiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political science*. 15:1. pp. 111–119.
15. Sipko, J. (2014) Linguoculturology of anti-Russian sanctions in Slovakian mass media, or the Ukrainian crisis is continuing. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (50). pp. 93–98. (In Russian).
16. Sipko, J. (2015) Interpretation of the role of the USA and the West in the Ukrainian crisis in Slovak mass media. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (51). pp. 59–65. (In Russian).
17. Alekseeva, A.A. (2014) ["The Crimea is Ours": conflicting speech tactics in the social network "VKontakte"]. *Politicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political linguistics: prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg. 26–28 August 2014. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 6–9. (In Russian).
18. Alekseeva, A.A. (2015) Obrazy referendumov v Krymu i Shotlandii (na materiale britanskikh i rossiyskikh SMI) [Images of referendums in the Crimea and Scotland (on the material of British and Russian media)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 14:6. pp. 163–170.
19. Kuzina, O.A. (2016) Phraseological units as a means of representation of political situation in Ukraine. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2016. 1 (55). pp. 104–110.
20. Egorova, E.V. (2014) Ukrainskiy krizis: obraz Rossii v angloyazychnykh elektronnykh SMI [The Ukrainian crisis: the image of Russia in English-language electronic media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 11 (41):1. pp. 60–65.
21. Gazinskaya, Yu.V. (2013) Metaphor as a cognitive mechanism of modeling the reality in the Russian language space of the media discourse of Ukraine. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2013. 4 (79). pp. 86–89. (In Russian).
22. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ukraine and Russia in the social conflict: Metaphorical modeling in Russian media discourse. *Rusin*. 4 (42). pp. 217–234. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/15
23. Budaev, E.V. & Kureyko, V.V. (2016) Metaphorical representation of the crisis in the Ukraine in Russian comments to the news portals. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (58). pp. 93–97. (In Russian).
24. Rummyantseva, E.A. (2014) Politicheskaya metafora v Ukraine (na materiale angloyazychnykh SMI) [Political metaphor in Ukraine (on the material of English-language media)]. *Mova i kul'tura*. 17:3. pp. 18–28.
25. Zaripov, R.I. (2015) Metaphorical images of Russia in French political discourse in the context of civil war in Ukraine. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (52). pp. 172–180. (In Russian).
26. Znamenskaya, T.A. (2015) Ispol'zovanie metafory kak sredstva manipulyatsii obshchestvennym mneniem v angloyazychnykh publikatsiyakh ob Ukraine [The use of metaphor as a means of manipulating public opinion in English-language publications on Ukraine]. *CETERIS PARIBUS*. 1. pp. 67–68.
27. Urzhumtseva, A.O. (2014) Ukraine, Russia, European Union and their relationships in November of 2013: metaphorical models in the Spanish newspaper "El País". *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 195–200. (In Russian).
28. Seregina, I.A. & Kurbanov, I.A. (2014) [Morbial metaphor of the period of the Ukrainian crisis]. *Ubezhdienie i dokazatel'stvo v sovremennom politicheskom diskurse* [Persuasion and proof in modern political discourse]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Nizhny Tagil Social and Pedagogical Academy. pp. 111–120. (In Russian).

29. Seregina, I.A. & Chudinov, A.P. (2014) Metaphorical slogans in referendum on the Crimea status discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2 (48). pp. 89–94. (In Russian).
30. Kropotukhina, P.V. & Tikhonov, V.V. (2015) Metaphors and “counter-metaphors” of the sanctions discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4 (54). pp. 97–99. (In Russian).
31. Kovaleva, K.A. (2015) [The metaphorical representation of the political conflict in Ukraine in the speeches of Yulia Tymoshenko]. *Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political Linguistics: Problems, methodology, aspects of research and prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 129–134. (In Russian).
32. Smirnova, N.G. (2014) [The linguistic picture of events in Ukraine and their reflection in media discourse: morbid metaphor]. *Politicheskaya lingvistika: perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya* [Political linguistics: prospects for the development of the scientific direction]. Proceedings of the international conference. Ekaterinburg. 26–28 August 2014. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 239–241. (In Russian).
33. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metaforiy, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: URSS.
34. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metaforiy (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. [Online] Available from: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>. (Accessed: 06.09.2016).
35. Kubryakova, E.S., Dem'yankov, V.Z., Pankrats, Yu.G. & Luzina, L.G. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
36. Chudinov, A.P. (2003) *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
37. Rezanova, Z.I. (2011) Yazykovaya i diskursivnaya kartina mira – aspekty sootnosheniya [Language and discourse picture of the world – aspects of relationships]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 184–194.
38. Rezanova, Z.I. (2003) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya [Metaphor in the processes of linguistic world-modeling]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [A metaphorical fragment of the Russian language picture of the world: key concepts]. Vol. 1. Voronezh: RITs EF VGU.

Received: 23 May 2017